

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В.Филатова

город Санкт-Петербург

25 декабря 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 809 ГК Российской Федерации и части 3 статьи 69 АПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.В.Филатова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д.Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданин С.В.Филатов оспаривает конституционность следующих положений законодательства:

статьи 809 «Проценты по договору займа» ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливавшей, в частности, что, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов за пользование займом в размерах и в порядке, определенных договором, и не содержавшей условий уменьшения судом их размера в случае чрезмерной обременительности таких процентов для должника;

части 3 статьи 69 «Основания освобождения от доказывания» АПК Российской Федерации, согласно которой вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле.

1.1. С.В.Филатов (заемщик) и гражданин Н. (займодавец) 17 мая 2013 года заключили на срок до 31 декабря того же года договор займа на сумму 16 892 000 руб. под 15 процентов в месяц с условием о сложном проценте. До 2018 года С.В.Филатов производил частичное погашение задолженности по договору. Решением Дзержинского районного суда города Волгограда от 28 февраля 2019 года Н. отказано – со ссылкой на пропуск срока исковой давности – в удовлетворении предъявленных к должнику требований о взыскании суммы долга и процентов по договору. Суд, руководствуясь

разъяснениями, содержащимися в пункте 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», исходил из того, что уплата части долга не свидетельствует о признании долга в целом (поскольку иное не оговорено должником) и не прерывает течение срока исковой давности. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года указанное решение отменено, требования Н. удовлетворены.

В июле 2019 года С.В.Филатов подал заявление о признании его банкротом, которое определением Арбитражного суда Волгоградской области от 30 июля 2019 года признано обоснованным, в связи с чем в его отношении введена процедура реструктуризации долгов. Определением того же суда от 3 октября 2019 года требование Н., вытекающее из договора займа и подтвержденное апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года, включено в третью очередь реестра требований кредиторов в размере 71 379 217 руб. 17 коп. Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 2 марта 2020 года С.В.Филатов признан банкротом, введена процедура реализации имущества.

По жалобе С.В.Филатова апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 19 июня 2019 года отменено (определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 года) с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение, по результатам которого определением судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 6 августа 2020 года в силе оставлено изначальное решение суда первой инстанции об отказе кредитору в иске по мотиву пропуска срока исковой давности, с чем согласился вышестоящий суд (кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 ноября 2020 года).

На основании апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 6 августа 2020 года определение Арбитражного суда Волгоградской области от 3 октября 2019 года пересмотрено по новым обстоятельствам: определением того же арбитражного суда от 3 сентября 2020 года, оставленным без изменения постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 декабря 2020 года, во включении требования Н. в реестр требований кредиторов отказано. Два последних акта отменены постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 5 февраля 2021 года, и обособленный спор направлен на новое рассмотрение; при этом суд кассационной инстанции, сославшись на часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации, обратил внимание нижестоящих арбитражных судов на то, что они не связаны выводом судов общей юрисдикции о пропуске кредитором срока исковой давности и обязаны проверить наличие оснований для такого вывода самостоятельно.

По результатам нового рассмотрения заявления Н. о включении основанного на договоре займа требования в реестр требований кредиторов должника в его удовлетворении отказано определением Арбитражного суда Волгоградской области от 24 мая 2021 года, оставленным в силе постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 августа 2021 года, вновь в связи с пропуском срока исковой давности с учетом упомянутых разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 сентября 2015 года № 43. Эти судебные акты в очередной раз отменены постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 21 октября 2021 года, указавшим, что при разрешении вопроса о пропуске кредитором срока исковой давности подлежат учету действовавшие на момент заключения договора займа разъяснения, которые содержатся в пункте 20 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 года № 15 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2001 года № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением

норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности». Поскольку к моменту вынесения акта суда кассационной инстанции производство по делу о банкротстве было прекращено ввиду погашения всех требований кредиторов, включенных в реестр (определение Арбитражного суда Волгоградской области от 16 декабря 2020 года), заявление Н. оставлено без рассмотрения.

Принятое Арбитражным судом Поволжского округа постановление от 21 октября 2021 года послужило основанием для отмены определения о прекращении производства по делу о банкротстве С.В.Филатова по новым обстоятельствам и для возобновления производства по делу с введением в отношении должника процедуры реализации имущества (решение Арбитражного суда Волгоградской области от 13 декабря 2021 года и определение того же суда от 16 марта 2022 года).

Определением Арбитражного суда Волгоградской области от 1 июня 2022 года, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций (постановления Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 августа 2022 года и Арбитражного суда Поволжского округа от 25 ноября 2022 года), требование Н. признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов должника, но уже в размере 400 798 764 руб. 95 коп. При этом суды, руководствуясь статьей 9 Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», не нашли оснований для применения вводящего понятие «ростовщические проценты» пункта 5 статьи 809 ГК Российской Федерации (в редакции названного Федерального закона) к спорному договору займа, заключенному до введения указанной законодательной новеллы в действие. Одновременно они сочли установленные сторонами проценты допустимыми, сославшись на свободу договора, при заключении которого заемщик имел возможность оценить его условия и своим согласием признал их для себя приемлемыми, в том числе в части платы за пользование заемными средствами и

ответственности, подлежащей применению при нарушении условий договора, и не посчитали себя связанными выводом судов общей юрисдикции о пропуске кредитором срока исковой давности, придя к заключению, что течение данного срока прерывалось действиями должника, свидетельствующими о признании долга. В итоге, учитывая конкретные обстоятельства дела, его особенности, поведение заемщика, суды не нашли оснований для уменьшения размера требований кредитора и снижения взыскиваемых им процентов по договору займа.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2023 года, с которым согласился заместитель Председателя этого суда (письмо от 16 марта 2023 года), С.В.Филатову отказано в передаче кассационной жалобы на судебные акты арбитражных судов для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», проверяя по жалобе гражданина конституционность положений, примененных в его деле, в отношении которого исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых гражданин ссылается, Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

По мнению С.В.Филатова, оспариваемые положения законодательства не соответствуют статьям 2, 7 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 45 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой:

статья 809 ГК Российской Федерации – в примененной судами в его деле редакции – допускает взыскание ничем не ограниченных и экономически не обоснованных процентов за пользование займом, влекущих несправедливое обогащение займодавца;

часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации позволяет арбитражным судам игнорировать выводы судов общей юрисдикции, содержащиеся во вступивших в законную силу судебных актах и касающиеся истечения срока исковой давности по заявленным в суд требованиям, при условии применения одних и тех же правовых норм к тем же самым обстоятельствам дела.

1.3. Конституционность статьи 809 ГК Российской Федерации подвергается сомнению в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, что не может быть основанием для отказа в принятии жалобы к рассмотрению, поскольку данная статья (норма) продолжает применяться в оспоренной (прежней) редакции к правоотношениям, возникшим в период ее действия, а потому согласно пункту 4 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» она может быть проверена Конституционным Судом Российской Федерации на соответствие Конституции Российской Федерации.

Не является причиной для отказа в проверке конституционности статьи 809 ГК Российской Федерации в оспоренной редакции и то, что вопрос о ее соответствии Конституции Российской Федерации уже ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации, который, отвечая на него, не раз указывал, что положение ее пункта 1 о возможности установить размер процентов на сумму займа по соглашению сторон не расходится с вытекающим из Конституции Российской Федерации принципом свободы договора и, рассматриваемое в системной связи с иными нормами данного Кодекса, в том числе его статьей 10 о пределах осуществления гражданских прав, не может расцениваться как нарушающее конституционные права и

свободы (определения от 23 октября 2014 года № 2482-О, от 23 июня 2015 года № 1449-О, от 19 декабря 2017 года № 2957-О и др.).

Несмотря на такую оценку оспариваемого положения гражданского законодательства, содержащуюся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою обязательную силу, нельзя не принять во внимание, что она была высказана до введения в действие Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ. Как следствие, в силу того, что часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепляет в числе требований, предъявляемых к конституционному судопроизводству, необходимость при принятии решения учитывать, помимо прочего, сложившуюся правоприменительную практику и место оспариваемого положения в системе правовых норм, это не является препятствием для принятия Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению жалобы С.В.Филатова на статью 809 ГК Российской Федерации в редакции, примененной судами в его деле, в контексте действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с содержащимся в нем понятием (институтом) ростовщических процентов.

1.4. Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются:

статья 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с введенным данным Федеральным законом положением о ростовщических процентах, суд решает вопрос об уменьшении размера процентов за пользование займом, предусмотренного договором, заключенным до вступления в силу данного Федерального закона;

часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования арбитражный суд, рассматривающий в рамках дела о банкротстве гражданина заявление

кредитора о включении требования в реестр требований кредиторов должника, разрешает вопрос об истечении срока исковой давности по заявленному требованию, вытекающему из договора займа, в случае, когда вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному между теми же сторонами, по тем же обстоятельствам и с применением тех же правовых норм гражданскому делу заявителю (кредитору) отказано в удовлетворении его требования, вытекающего из указанного договора, в связи с истечением срока исковой давности.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России как в демократическом правовом государстве гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности; признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности; каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; право частной собственности охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими; никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статьи 1 и 8; статья 34, часть 1; статья 35, части 1–3).

Право собственности и свобода договора, будучи неотъемлемыми элементами конституционного статуса личности, образующими одну из основ конституционного строя России, не являются, как последовательно подчеркивается в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, абсолютными, не предполагают их осуществления с нарушением прав и свобод иных лиц, не должны приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод и могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это нужно для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов иных лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 16; статья

17, часть 3; статья 55, части 1 и 3, Конституции Российской Федерации). Во исполнение требований Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 2, 18, 19 (части 1 и 2), 71 (пункты «в», «ж», «о»), 75¹ и 76 (часть 1), на федерального законодателя возлагается особая ответственность, в силу которой он, соблюдая принципы юридического равенства, справедливости и поддержания взаимного доверия государства и общества, должен обеспечить адекватное правовое регулирование на основе оптимального согласования законных интересов управомоченных субъектов, их контрагентов и иных участвующих в гражданском обороте лиц. Одновременно ему надлежит проявлять заботу о том, чтобы вводимые им ограничения права собственности, свободы предпринимательской деятельности и свободы договора предопределялись объективной необходимостью в охране конституционно значимых ценностей, были обоснованными и соразмерными, носили общий и абстрактный характер, не нарушали автономию воли и имущественную самостоятельность участников соответствующих отношений, не допускали неправомерного публичного вмешательства в частные дела собственников, кредиторов и должников и во всяком случае не были избыточными и не вступали в противоречие с задачей поддержания баланса законных интересов общества и личности, обусловленного разумным сопряжением преследуемых целей и средств их достижения (постановления от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 24 февраля 2004 года № 3-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 10 декабря 2014 года № 31-П, от 15 февраля 2016 года № 3-П, от 12 мая 2020 года № 23-П, от 11 ноября 2021 года № 48-П, от 27 декабря 2022 года № 58-П и др.).

2.1. Опираясь на конституционные положения, Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 1 провозглашает основные начала гражданского законодательства. Так, в соответствии с ней оно основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения

восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (пункт 1). Граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (пункт 2). При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3), никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4).

В качестве одного из источников обязательств Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет договор займа, предусматривая следующее. По такому договору займодавец передает или обязуется передать в собственность заемщику деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг; если займодавцем является гражданин, договор считается заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора заемщику или указанному им лицу (пункт 1 статьи 807). Если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов за пользование займом в размерах и в порядке, определенных договором, а при отсутствии в договоре условия о размере процентов их размер определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды; размер процентов может быть установлен в договоре с применением ставки в процентах годовых в виде фиксированной величины, с применением ставки в процентах годовых, величина которой может изменяться в зависимости от предусмотренных договором условий, в том числе в зависимости от изменения переменной величины, либо иным путем, позволяющим определить надлежащий размер процентов на момент их уплаты; при отсутствии иного соглашения проценты выплачиваются ежемесячно до дня возврата займа включительно (пункты 1–3 статьи 809).

Заемщик обязан возратить займодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа (пункт 1 статьи 810).

Такое регулирование в совокупности со статьями 317¹ и 421 ГК Российской Федерации об исполнении обязательств и о свободе договора в принципиальном плане согласуется с установленными гражданским законодательством общими положениями о неприкосновенности собственности, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов гражданских правоотношений, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, в том числе связанные с определением договором займа размера процентов.

2.2. Наделение заемщика и займодавца правом самостоятельно определять в договоре размер процентов, которые подлежат начислению за пользование заемными средствами, в системе действующего правового регулирования не может быть интерпретировано как обладание ими ничем не ограниченной свободой в этом вопросе. Статья 1 ГК Российской Федерации прямо требует от участников гражданских правоотношений действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей и запрещает извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4), а его статья 10 в числе общих положений гражданского законодательства специально оговаривает, что не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, и вводит правило, согласно которому при несоблюдении указанных требований суд, арбитражный или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично либо применяет иные меры, предусмотренные законом (пункты 1 и 2). К тому же статья 307 названного Кодекса возлагает на стороны любого обязательства требование при его установлении, исполнении и после прекращения действовать добросовестно,

учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (пункт 3).

Исходя из этого – еще до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, дополнившего статью 809 ГК Российской Федерации пунктом 5, согласно которому размер процентов по договору займа, заключенному между гражданами или между юридическим лицом, не осуществляющим профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, и заемщиком-гражданином, в два и более раза превышающий обычно взимаемые в подобных случаях проценты и поэтому являющийся чрезмерно обременительным для должника (ростовщические проценты), может быть уменьшен судом до размера процентов, обычно взимаемых при сравнимых обстоятельствах, – в судах сформировалась устойчивая практика, основанная на том, что возможность установить размер процентов на сумму займа по усмотрению сторон договора не подразумевает полную свободу в определении такого размера и не освобождает их от соблюдения запрета злоупотреблять правом, вытекающего из статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее норм данного Кодекса. В судебных актах традиционно обращалось внимание на отсутствие безграничной договорной свободы в определении процентов за пользование займом и на то, что в сочетании с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений соответствующая норма не исключает обязанность суда оценить условия конкретного договора с точки зрения разумности и справедливости. С одной стороны, эти условия не должны быть явно обременительными для заемщика, а с другой – не могут игнорироваться и интересы кредитора. Как следствие, суды приходили к выводу, что встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых надлежит квалифицировать как недобросовестное поведение, а в случае очевидной несоразмерности требований кредитора о взыскании процентов по договору займа такие требования должны рассматриваться в качестве попытки

получить неосновательное обогащение и не подлежат удовлетворению (определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № ВАС-16905/12 по делу № А32-5274/2011, определения Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 83-КГ16-2 и от 28 февраля 2017 года № 16-КГ17-1, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 января 2018 года № Ф08-10323/2017 по делу № А32-38485/2016 и др.).

Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ в дополнение к гарантиям защиты прав заемщика, вытекающим из общих положений гражданского законодательства, в статью 809 ГК Российской Федерации внесена норма о том, что размер процентов по договору займа, заключенному, в частности, между гражданами, когда он является чрезмерно обременительным для должника, может быть уменьшен судом до размера процентов, обычно взимаемых при сравнимых обстоятельствах. Данная норма по своему смыслу, не предопределяя решение суда по заявленному требованию, в том числе в части снижения процентов (что относится к дискреции суда и зависит от фактических обстоятельств конкретного дела), тем не менее предполагает обязанность суда оценить заявленную кредитором ко взысканию сумму процентов с точки зрения ее справедливости и отсутствия в действиях кредитора признаков злоупотребления правом.

2.3. Как следует из пункта 2 статьи 4 и пункта 2 статьи 422 ГК Российской Федерации, если после заключения договора принят закон, устанавливающий для его сторон иные правила, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, за исключением случаев, когда принятым законом предусмотрено распространение его действия на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. Это согласуется с общим принципом действия закона во времени, согласно которому только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения этих норм в действие, т.е. придать закону обратную силу (определения Конституционного Суда

Российской Федерации от 1 декабря 2009 года № 1549-О-П, от 24 сентября 2012 года № 1747-О, от 29 января 2015 года № 211-О и др.). Потому предусмотренное частью 3 статьи 9 Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ правило о том, что положения данного Кодекса в редакции данного Федерального закона применяются к договорам, заключенным после дня его вступления в силу, не выходит за рамки дискреционных полномочий законодателя.

Вместе с тем, поскольку пункту 5 статьи 809 ГК Российской Федерации формально не придана обратная сила, в судебной практике, ранее ориентированной в аналогичных ситуациях на применение общих положений статей 1 и 10 данного Кодекса, создается возможность интерпретировать такое решение законодателя как указание на то, что вопрос о справедливости (соразмерности) процентов за пользование займом не входит – с учетом принципа свободы договора – в предмет судебной оценки при рассмотрении судами требований из договоров займа, заключенных до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ. Соответственно, ставится под сомнение возможность заемщика воспользоваться гарантиями, предусмотренными общими положениями гражданского законодательства, для защиты от несправедливых притязаний кредитора в части требования об уплате процентов.

Однако само по себе отсутствие непосредственного указания законодателя на возможность применения пункта 5 статьи 809 ГК Российской Федерации с обратной силой не должно восприниматься как введение ограничений права заемщика, заключившего договор займа до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, на судебную защиту и вовсе не препятствует ему использовать в целях защиты от явно несправедливых процентов, установленных соглашением с займодавцем, ограничение ростовщических процентов, в том числе с учетом судебной практики, сложившейся до внесения изменений в эту статью. Вытекающие из статей 8 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 34 (часть 1), 55 (часть 3) и 75¹ Конституции Российской Федерации запрет злоупотребления правом,

принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав и требование сбалансированности прав и обязанностей сторон в договоре на основе принципов равенства и справедливости изначально не предполагали абсолютной свободы сторон договора займа в определении процентов за пользование заемными средствами, а потому дополнение статьи 809 ГК Российской Федерации пунктом 5 о ростовщических процентах на самом деле не повлекло установления неизвестных ранее правил уменьшения размера процентов за пользование займом, а фактически уточнило порядок такого уменьшения. Вводя в регулирование договора займа категорию ростовщических процентов, законодатель лишь обеспечил развитие уже выработанного судебной практикой подхода, корреспондирующего конституционным предписаниям.

Внесенные в статью 809 ГК Российской Федерации изменения направлены на усиление гарантий прав заемщика от взыскания с него явно чрезмерных процентов. В связи с этим и с учетом принципа поддержания доверия к закону и действиям государства сам по себе вывод суда о необходимости применить к спору ранее действовавшую редакцию этой статьи не может препятствовать полноценной судебной защите интересов должника и по договорам займа, заключенным до вступления Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ в силу, по крайней мере когда предусмотренные ими проценты с очевидностью имеют экономически не обоснованный характер. Отказ же суда снизить несправедливо высокие проценты исключительно по мотиву того, что договор займа заключен до внесения изменений в эту статью, не отвечал бы задаче обеспечить надлежащий баланс прав и обязанностей сторон, заключивших договор, а также препятствовал бы каждой из них пользоваться правом на полную и эффективную судебную защиту и правом защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Следовательно, статья 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017

года № 212-ФЗ, не противоречит Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не может служить формальным основанием для отказа – при наличии к тому объективных обстоятельств – в рассмотрении судом вопроса об уменьшении размера процентов за пользование займом, предусмотренного договором, заключенным до вступления в силу данного Федерального закона, признавшего их ростовщическими. Придание названному законоположению иного значения расходилось бы с государственными гарантиями судебной защиты права собственности и свободы договора, установленными статьями 17 (часть 3), 18, 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 75¹ Конституции Российской Федерации.

3. Конституция Российской Федерации устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанностью государства (статья 2); будучи непосредственно действующими, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18); все равны перед законом и судом (статья 19, часть 1); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а решения и действия (бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 46, части 1 и 2).

Ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод соотносится с особым местом судебной власти в системе разделения властей, ее прерогативами, вытекающими из статей 10, 11 (часть 1), 18, 118, 120–122, 123 (часть 3), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации, по осуществлению правосудия посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, а также значением принятых судами решений как государственных правовых актов, имеющих общеобязательный характер. Этим, в свою очередь, детерминирована

необходимость полноценного обеспечения справедливости, независимости и беспристрастности судебной защиты, что является безусловной целью государства при построении механизма судебной власти и при определении порядка отправления правосудия.

Раскрывая природу права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации неизменно подчеркивал (постановления от 25 декабря 2001 года № 17-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 21 декабря 2011 года № 30-П, от 13 апреля 2017 года № 11-П, от 28 октября 2021 года № 46-П, от 31 января 2023 года № 5-П и др.), что оно:

предполагает наличие институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать данное право в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, не нарушая при этом надлежащий баланс между частными и публичными интересами;

означает предоставление каждому доступа к суду, включая определение условий и порядка реализации права на судебное обжалование, что не должно отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, ограничения которых могут быть признаны допустимыми, только если они являются соразмерными и вызываются необходимостью защиты конституционных ценностей;

подразумевает – независимо от вида судопроизводства – обеспечение последовательной государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений, направленной на достижение стабильности, определенности и предсказуемости правовых состояний (статусов) субъектов правоотношений с учетом специфики категорий споров;

диктует потребность в оптимальном согласовании отдельных видов процесса, которое применительно к разным способам и процедурам судебной защиты исключало бы отступление от конституционных принципов, лежащих в основе организации судов и их деятельности по осуществлению правосудия, включая общеобязательный характер судебных решений.

Закрепляя право на судебную защиту и единые, универсальные принципы организации судебной власти и отправления правосудия, Конституция Российской Федерации непосредственно не устанавливает процессуальных правил. Ответственность за их урегулирование, в силу ее статей 71 (пункты «в», «г», «о») и 76 (часть 1), возложена на федерального законодателя, который, опираясь на конституционные цели и ценности, полномочен – исходя из объективных особенностей отдельных видов судопроизводства и в пределах предоставленной ему дискреции – определить присущие каждому из них дифференцированные процедуры организации и осуществления, не допуская при этом отступления от общих принципов справедливого правосудия.

3.1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, регламентируя порядок арбитражного судопроизводства, предусматривает, что правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами, образованными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом, путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции данным Кодексом и другими федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (статья 1); порядок судопроизводства в арбитражных судах определяется Конституцией Российской Федерации, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», данным Кодексом и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами (часть 2 статьи 3).

Одним из таких законов, содержащих – наряду с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации – дополнительные (специальные) правила судопроизводства в арбитражных судах, является Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности

(банкротстве)», который предусматривает, что дела о банкротстве как юридических, так и физических лиц рассматриваются арбитражным судом (пункты 1 и 2 статьи 6), и оговаривает, что дела о банкротстве юридических лиц и граждан, в том числе и индивидуальных предпринимателей, рассматриваются по правилам, предусмотренным данным Кодексом, с особенностями, установленными данным Федеральным законом (пункт 1 статьи 32). Из сказанного безусловно следует, что при рассмотрении дел о банкротстве, включая дела о банкротстве граждан, применению подлежат общие нормы данного Кодекса, если только названным Федеральным законом не закреплены особенности их реализации. Это означает, что при рассмотрении дела о банкротстве гражданина на арбитражный суд в полной мере распространяется глава 7 «Доказательства и доказывание» АПК Российской Федерации, в которой, в частности, содержится статья 69, предусматривающая в части 3, что вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле.

Освобождение от доказывания по вопросу об обстоятельствах, установленных вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле, рассматриваемом арбитражным судом, основано на признании преюдициальности вступивших в законную силу судебных актов, обладающих также свойствами обязательности, неопровержимости, исключительности и исполнимости. В противном случае не исключалась бы ситуация, когда акты арбитражных судов выносились бы с отрицанием обстоятельств, ранее установленных решениями судов общей юрисдикции, что, впрочем, не предполагает придания преюдициальности судебным решениям безграничного значения.

3.2. По смыслу правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 21

декабря 2011 года № 30-П и Определении от 6 ноября 2014 года № 2528-О, при оценке преюдициальности судебных актов нужно иметь в виду следующее:

действующие во всех видах судопроизводства общие правила распределения бремени доказывания предусматривают освобождение от доказывания входящих в предмет доказывания обстоятельств, к числу которых процессуальное законодательство относит обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу (статья 90 УПК Российской Федерации, статья 61 ГПК Российской Федерации, статья 69 АПК Российской Федерации и статья 64 КАС Российской Федерации), что обусловлено вытекающим из прерогатив судебной власти наделением судебных решений законной силой;

признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на исключение конфликта, обеспечение стабильности и общеобязательности судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или в ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела, что служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности;

наделение судебных решений, вступивших в законную силу, свойством преюдициальности – сфера дискреции федерального законодателя, который мог бы прибегнуть и к другим способам обеспечения непротиворечивости судебных актов в правовой системе, но не вправе не установить те или иные институты, необходимые для достижения данной цели;

введение института преюдиции требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства – с другой; такой баланс достигается путем установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения;

пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства;

в силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения не могут иметь преюдициального значения обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом;

федеральный законодатель вправе предусматривать различные способы опровержения преюдиции, которые при этом не могут исключаться из сферы судебного контроля с точки зрения их соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений, вступивших в законную силу.

Соответственно, часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации предполагает, что обстоятельства (факты), установленные вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу, не нуждаются в повторном доказывании в рамках арбитражного судопроизводства и не могут быть отвергнуты арбитражным судом, если они имеют отношение к лицам, участвующим в рассматриваемом арбитражным судом деле.

3.3. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (статья 195); общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 данного Кодекса (пункт 1 статьи 196); требование о защите нарушенного права

принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности; исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения, а истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной, служит основанием к вынесению судом решения об отказе в иске (пункты 1 и 2 статьи 199).

В совокупности с положениями гражданского процессуального законодательства, включая прежде всего статьи 133, 134, 152, 194 и 198 ГПК Российской Федерации, это подразумевает, что в случае обращения истца в суд общей юрисдикции с требованием о защите нарушенного права, вытекающим из гражданско-правового договора (например, как это имело место в деле С.В.Филатова, договора займа), суд не правомочен отказать ему в принятии искового заявления по мотиву истечения срока исковой давности, даже если ответчик заявил об этом до начала рассмотрения дела. Суд во всяком случае обязан в предварительном судебном заседании или в судебном заседании исследовать все обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса об истечении срока исковой давности, в том числе предусмотренные статьями 202, 203 и 205 ГК Российской Федерации, и только после того, как убедится в обоснованности соответствующего заявления ответчика, – отказать в иске.

Следовательно, решение суда общей юрисдикции об отказе в иске в связи с пропуском срока исковой давности не может быть вынесено без установления фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о наступлении соответствующего юридического факта (истечения срока исковой давности). Без этого судебное решение будет вступать в противоречие с требованиями законности и обоснованности, согласно которым оно во всяком случае должно быть основано только на исследованных в судебном заседании доказательствах (статья 195 ГПК Российской Федерации).

Это, помимо прочего, означает, что арбитражный суд, рассматривая в рамках дела о банкротстве должника-заемщика заявление кредитора-займодавца о включении его требований, вытекающих из заключенного

между ними договора займа, в реестр требований кредиторов, не может не быть связан вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции, ранее отказавшего ввиду истечения срока исковой давности займодавцу в иске, предъявленном к этому же заемщику, о взыскании с него задолженности за пользование займом, т.е. решением, по сути вынесенным по спору, возникшему между теми же лицами и касающемуся того же предмета и тех же фактических обстоятельств. И хотя решение суда общей юрисдикции о пропуске срока исковой давности может быть обусловлено оценкой им фактов, с которыми законодательство связывает его течение, оно не предполагает обращения арбитражного суда к иным обстоятельствам. Поэтому связанность арбитражного суда выводом суда общей юрисдикции об установлении юридического факта пропуска срока исковой давности не может расцениваться в качестве ограничения предоставленных арбитражному суду нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» полномочий, связанных с проверкой обоснованности требований кредиторов в иных аспектах.

Преюдициальное значение вступившего в силу решения суда общей юрисдикции об истечении срока исковой давности будет распространяться на установленные таким судебным актом фактические обстоятельства. Данная же судом общей юрисдикции их правовая квалификация (определение юридической сущности), отражающая итоговый вывод соответствующего решения, также не может быть отвергнута арбитражным судом – исходя из обязательности и исключительности решения суда общей юрисдикции (о том же денежном требовании того же истца к тому же ответчику), вступившего в законную силу. Определяя ее свойства, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности, предусматривает, что после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же иски, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения (часть вторая статьи 209). Базируясь на

применении одних и тех же норм Гражданского кодекса Российской Федерации, она не допускает взаимоисключающих, противоречащих друг другу итоговых выводов, полученных в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства по одному и тому же вопросу, связанному с доступностью заявителю (займодавцу, кредитору) мер судебной защиты с точки зрения истечения предусмотренного законом срока исковой давности.

Следовательно, после вступления в законную силу решения суда общей юрисдикции, которым в иске отказано по мотиву пропуска кредитором (истцом) срока исковой давности, арбитражные суды в производстве по делу о банкротстве должника не вправе преодолевать вывод суда общей юрисдикции об истечении срока исковой давности в споре тех же сторон по поводу того же требования, т.е. в споре, по сути тождественном тому, который уже рассмотрен судом общей юрисдикции.

Пересмотр вступивших в законную силу ошибочных судебных актов в целях их исключения из правовой системы, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, предполагает установление таких особых процедур, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, может быть поколеблено, если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно восстановление нарушенных прав сторон соответствующего спора (постановления от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 17 марта 2009 года № 5-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П и др.). До тех пор пока обязательность вступившего в законную силу судебного решения, содержащего итоговый вывод об истечении срока исковой давности, не преодолена в порядке, установленном законодательством о конкретном виде судопроизводства, никто, включая сами суды, не вправе уклоняться от ее соблюдения, а потому реализация арбитражным судом, рассматривающим

дело о банкротстве, полномочий, обусловленных статьями 16, 71 и 100 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и связанных с проверкой обоснованности требований кредиторов, во всяком случае не должна влечь переоценку данного юридического факта.

Таким образом, часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не может расцениваться как позволяющая арбитражному суду, рассматривающему в рамках дела о банкротстве гражданина вопрос о включении в реестр требований кредиторов должника требования, вытекающего из договора займа, преодолеть итоговый вывод об истечении срока исковой давности, содержащийся во вступившем в законную силу решении суда общей юрисдикции по гражданскому делу, ранее рассмотренному между теми же сторонами, по поводу того же требования и в связи с теми же фактическими обстоятельствами.

Иное приводило бы к отступлению от конституционных гарантий справедливого правосудия, что было бы несовместимо со статьями 15 (часть 2), 46 (части 1 и 2), 118 (части 1 и 2) и 120 Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, не противоречащей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не может служить формальным основанием для отказа в рассмотрении судом вопроса об уменьшении размера процентов за пользование займом, предусмотренного договором,

заключенным до вступления в силу данного Федерального закона, признавшего их ростовщическими.

2. Признать часть 3 статьи 69 АПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не может расцениваться как позволяющая арбитражному суду, рассматривающему в рамках дела о банкротстве гражданина вопрос о включении в реестр требований кредиторов должника требования, вытекающего из договора займа, преодолеть итоговый вывод об истечении срока исковой давности, содержащийся во вступившем в законную силу решении суда общей юрисдикции по гражданскому делу, ранее рассмотренному между теми же сторонами, по поводу того же требования и в связи с теми же фактическими обстоятельствами.

3. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл статьи 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, и части 3 статьи 69 АПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

4. Судебные акты, вынесенные в отношении гражданина Филатова Сергея Владимировича на основании статьи 809 ГК Российской Федерации в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ, и части 3 статьи 69 АПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 60-П

Конституционный Суд
Российской Федерации